

Ю. Ю. КАРПОВ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПЕРИФЕРИИ в 20–30-е гг. XX в.

Политическая часть.

Доклад Д.К.-Ц.К.Р.К.П. (6)

Доклад Д.К.-Ц.К.Р.К.

На запрос Орг. Бюро ЦКРК(б) от 6 июля 1924 г. о выделении Дагестана из Юго-Восточной области сообщается, что он остается на своей прежней территории в составе этой области при предположаемом районном делении Дагестана из Юго-Восточной области и недопустимости ее выделения в самостоятельную область. Принятая вся территория Дагестана входит в состав этой области при предположаемом районном делении Дагестана из Юго-Восточной области и недопустимости ее выделения в самостоятельную область.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМ И РЕШЕНИЙ

CA-369181

Оглавление

Предисловие	7
Часть 1	
Глава 1. На переломе	10
Исходная ситуация	10
Иностранцы и формирование национальных движений	18
О концепции национальной политики большевиков	27
Переходный период: революции 17-го года и гражданская война	35
Общие замечания	47
Часть 2	
Глава 1. Начало советской реорганизации края	50
Решения политические	50
Решения политико-экономические и хозяйственные	59
Судьба и опыт Горской Республики	71
К «самостоятельности» в больших и малых формах	84
Автономии под руководством края	91
«...В отношении к национальным правам... самый сознательный и чуткий народ в СССР»	100
Общие замечания	111
Глава 2. Местные общества в условиях советских преобразований	123
Предварительные замечания	123
Советизация на местах	136
Власть верхнего звена	158
Власть и мусульмане	202
Коллективизация	219
Введение воинской обязанности	225
Общие замечания	229
Глава 3. Национальное строительство на разных уровнях и в разных формах	241
Вопросы жизнеобеспечения «своих наций» и механика их решения	241
Языковое строительство и политика коренизации	264
Культурная революция	283
О национальном самосознании и нациестроительстве	291
Общие замечания	314
Глава 4. Поворот в национальной политике	320
Теоретические предпосылки	320
Сферы практических действий	326
Развенчание планов и лидеров	338
Завершение оформления новой политической линии	344

Глава 1

НА ПЕРЕЛОМЕ

Исходная ситуация

Процесс вхождения Северного Кавказа в состав Российского государства растянулся на длительное время, исчисляемое разным количеством десятилетий и даже веков. В отдельных частях региона он начался на пороге Нового времени, а завершился на большей части оно лишь во второй половине XIX в.

Процесс был не только многоэтапный, но и весьма сложный, что определялось рядом обстоятельств, в том числе длительным военным противостоянием значительной части горцев региона российской власти. Особое значение имел религиозный — исламский фактор. Немаловажное значение имело то, что горские общества отличал закрытый в социально-культурном отношении характер, с очевидностью затруднявший включение их в систему имперской государственности (в специфических чертах, но имевшей открытый характер). Разнообразие политических и потестарных форм организации местных обществ и пестрый в национальном и языковом отношении состав их населения также не способствовали «простому» включению в состав Российского государства. На судьбу Края в составе империи оказывал влияние его колониальный потенциал, суливший империи выход к морям и через это обеспечивавший транзитные пути в другие части света, а также предполагавший превращение Северного Кавказа в один из главных зерноводческих регионов страны. Все перечисленное определяло особое отношение к этому региону имперского центра.

Однако при всей своей специфике Северный Кавказ со второй половины XIX в. входил в состав империи на условиях, в достаточной мере приближенных к «стандартному» общегосударственному режиму регулирования жизни провинций (губерний), лишенных тех или иных прав на автономное существование. Территории проживания основной части коренного населения Северного Кавказа были включены в Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области. Относительность распространения на регион общегосударственного режима заключалась в том, что на территории расселения горцев в границах Кубанской и Терской областей и всей Дагестанской области (за исключением Дербентского градоначальства и города Петровска) была введена система военно-народного (в первых двух случаях — военно-казацкого) управления. На должности глав администраций назначались армейские офицеры (казацкие чины), в ведении которых сосредотачивались административно-управленческие, полицейские и, в значительной мере, судебные функции.

Глава 1

НАЧАЛО СОВЕТСКОЙ РЕОРГАНИЗАЦИИ КРАЯ

Решения политические

Положение, сложившееся в Северо-Кавказском регионе после победы Красной Армии и на начальном этапе установления советской власти в стране, отличалось изрядной неопределенностью. Существовали отдельные административно-территориальные единицы, часть которых являлась наследием такового устройства прежней страны, другие же — вновь появившимися образованиями.

В сознании политически активной части населения витали идеи о самостоятельности или автономном будущем народов либо региона в целом. Они казались тем более осуществимыми, что в ходе гражданской войны представители партии большевиков неоднократно об этом заявляли, а предпринимавшиеся незадолго до этого (в 1918—1919 гг.) попытки создания «независимых» государств внутренне подкрепляли надежды.

Политические и идеологические противники большевиков в основной массе покинули край. Доверявшие им рассчитывали на исполнение обещаний.

В конце апреля 1920 г. в письме Шейх-Уль-Исламу Дагестана Али-Хаджи Акушинскому Осман Османов, как он себя представил — министр внутренних дел Дагестана, писал:

Я сообщаю вам сейчас о положении между горцами и Советской Россией. Со своей стороны Российская Советская власть послала на весь Северный Кавказ Временный Революционный Комитет. Главари этого Комитета Орджоникидзе и Нариманов. Все общие дела Северного Кавказа в руках этого Комитета. Комитет в Дагестане состоит из десяти лиц. Главарь его Коркмасов... Когда этот Комитет, отделяясь от Северного Кавказа, образовался в Дагестане, я страдал и сказал: почему отвергаете название «Северо-Кавказский Совет Оборон», организованный для нашего правительства в Левашах (селение в центральной части Дагестана. — Ю. К.), служащий для самостоятельности как нас самих, так и для всего Северного Кавказа и, как это подобает сынам Кавказа, проливавшим кровь ради самостоятельности... Тогда глава Комитета Коркмасов ответил: и ингуши организовали для себя временный комитет, так сделали и черкесы, и кабардинцы. А если без всяких совещаний с ними и без представителей от них организуем общий комитет и правительство — это будет безосновательным пустым словом. Тогда мы сказали: здесь имеются представители от чеченцев и черкесов, мы их введем в правительство. Тогда он ответил: нельзя ввести в состав правительства прибывших по своим личным делам и лиц, найденных на улице, что членом правительства должен быть официальный представитель. Результатом дела и слов явилось следующее: [сохраняются] те коллегии — вре-

Глава 2

МЕСТНЫЕ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Предварительные замечания

Перед тем как дать описание процессов переустройства общественного уклада населения Северо-Кавказского региона в условиях вновь укоренявшихся советских порядков, еще раз предложим краткую характеристику основных особенностей оных в их «традиционном» формате. В значительной мере сюжеты, к которым мы в дальнейшем обратимся, будут касаться сферы политической антропологии. Выбранный ракурс предлагаемых ниже кратких описаний обусловлен тем, что устанавливавшиеся новые порядки главным образом затрагивали политическую жизнь на разных ее уровнях и в разных формах, а вновь складывавшаяся политическая культура была «густо замешана на традиционном субстрате» [Бочаров 1998: 141], т. е. традиционной политической культуре, которая значимо дает о себе знать даже в современных индустриальных и постиндустриальных обществах (на эту тему см.: [Бочаров 2001; Тишков 2001б]).

В резолюции Пленума национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) по итогам перевыборов в советы в нацобластях в 1927 г. отмечалось:

Сила бытовых традиций проявлялась главным образом в консервативном отношении к женщине, почтении к духовенству, старикам и в боязни открытых выступлений против отдельных нежелательных кандидатур. Сословная борьба все еще имела место в некоторых аулах Карачая и Черкесии. Причем эта сословная борьба поддерживалась отдельными ответственными работниками, сохранялась также межнациональная борьба, выражавшаяся в большей части в форме недовольства своим положением населения аулов нацменьшинств [ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 479. Л. 12].

В других документах, появлявшихся в советских и партийных инстанциях этого времени, отмечалась значимость в жизни местных народов также фамильной («родовой») солидарности¹.

¹ Подобные замечания были далеко не случайными, как не случайны они и для характеристики современной действительности. В качестве иллюстрации, поясняющей значение фамильной, «родовой» (тайповой и т. п.) солидарности среди большинства населения Северо-Кавказского региона, приведем цитату из работы автора второй половины XIX в., достаточно хорошо знавшего местную среду. «Вне фамилии чеченец чувствует себя жалким и беспомощным; внутри нее — он в крепости, имеющей

Глава 3

НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ И В РАЗНЫХ ФОРМАХ

Материалы, которые будут рассмотрены в данной главе, в значительной мере пересекаются между собой, а отчасти и с изложенными ранее. Национально-государственная политика, осуществлявшаяся советским государством и возглавлявшей его партией, была сложным явлением, так что пытаться жестко структурировать имеющиеся данные, характеризующие ее по отдельным направлениям или автономным образованиям, не только сложно, но в значительной степени и бессмысленно.

Вопросы жизнеобеспечения «своих наций» и механика их решения

До сих пор мы говорили преимущественно о нациях с позиций партий и государства, для которых проблематика, связанная с национальной политикой, являлась тактическим политическим ресурсом. В то же время постоянно приходилось наблюдать, что и на местах «нации» являлись на всех рассматриваемых исторических этапах вполне очевидными реалиями, обладавшими собственными интересами, во имя которых действовали те либо иные силы и персоны. Конечно, к Кавказу первой трети XX в. неприменимо понятие «нация» в сравнении с европейским образцом оной. Тем не менее и для кавказской среды понятие «нация» с очевидностью не было пустым звуком. Имплицитно оно было представлено в сознании населения (а местные политики его активно использовали).

Великий дагестанец Расул Гамзатов записал:

Аварское слово «миллат» имеет значения 'нация' и 'забота'. «Кто не заботится о нации, тот не может заботиться и обо всем мире», — говорил мой отец... «У кур, у гусей, у крыс, кажется, не бывает нации, но у людей она должна быть», — так говорила моя мама [Гамзатов 1989: 317].

Слово *миллат* арабское. Имея значение 'нация', 'национальность', в большей степени оно подразумевает гражданскую составляющую данных понятий, хотя часто и религиозную. Но в аварском языке есть и слово *милат* со значением 'забота'. В обыденном сознании наблюдается совмещение значений этих слов.

Коль скоро это так, то и вопросы жизнеобеспечения «наций» становились первоочередными. А условиями для одного являются политическая (внешнеполитическая) стабильность и база для материального воспроизводства этни-

Глава 4

ПОВОРОТ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Теоретические предпосылки

Конец 1920-х и начало 1930-х гг. стали новым этапом в обсуждении принципов выстраивания национальной политики, которое в скором времени привело к пересмотру практики, казалось, основательно утвердившейся. Это обсуждение не было в полной мере публичным, так как в основном выражалось в дискуссиях через печать в отдельных изданиях и тематических журналах (каковых в то время было немалое количество), а также в индивидуальных письменных обращениях заинтересованных лиц к Сталину и в его ответах на таковые. Обсуждавшиеся вопросы носили, на первый взгляд, сугубо теоретический характер, однако на поверку выводили на реальные проблемы в аспекте «жизни национальностей». При этом лица, задававшие вопросы вождю, были знакомы с основными положениями партийной (разработанной в начале советского периода истории в первую очередь Сталиным) линии по решению национального вопроса и в целом теории наций, исторического развития последних и их судьбы. Отслеживали они и то, что даваемые «главным специалистом» по национальному вопросу определения «нации» со временем, хотя и принципиально, но менялись.

Начнем с частных обращений к Сталину. Осенью 1927 г. он получил от некоего Бектимирова из Чечни письмо, в котором автор задавал вопрос: «Что такое нация?» И вот что он писал:

Мне кажется, что нация оформляется как самостоятельная национальная единица после того, как внутри этой нации возникают политические и классовые противоречия. У тебя есть много определений наций, но они Чеченским работникам как-то неясны. Например, Осетию считают нацией, а Чечню нет. Не потому, что в Осетии были те противоречия, которые я указывал в своем определении нации, а Чечню не считают нацией не потому ли, что в Чечне не были те противоречия, как в Осетии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 102].

Тогда же Сталин получил письмо от выходца из Карачая, обучавшегося в Коммунистическом университете народов Востока. В своем письме тот интересовался, стоит ли уделять особое внимание сословным различиям (при том что «есть князья и узданы, захудевшие и находящиеся в батраках у того же самого кула») при имевших место реальных «социально-классовых» различиях тех или иных категорий граждан местного общества. Конкретно автора письма волновало, «каково должно быть наше отношение к этим сословиям во время приема в партию, во время выборов в советские работы и т. д.

Сферы практических действий

Определение «теоретические предпосылки» (вынесенное в заголовок предыдущего параграфа) применительно к изменению курса государства в национальной политике надо поставить в кавычки. Собственно, теоретических разработок в этом направлении не делалось (хотя Сталин время от времени менял формулировку понятия «нация», впрочем, изменения не носили принципиального характера). В условиях сложно протекавшего процесса коллективизации, массового голода в деревне, масштабной индустриализации, военного строительства государственным мужам было явно не до них.

Равно и ученым было отказано в высказывании собственного мнения в отношении проводимого партией и государством курса и пропагандируемых «утвержденными» идеологами суждений. Делать это было опасно, так как, по словам одного из глашатаев «новой эпохи», «вредитель, вооруженный „учеными“ очками», не менее страшен, «чем его соратник, вооруженный газовой или иной смертоносной маской» [Хотинский 1930: 5].

В это время в исторической науке господствовала «школа» М. Н. Покровского, а в лингвистике — «школа» Н. Я. Марра. Покровский был ярким противником Российского государства как «тюрьмы народов». Для него сам термин «русская история» являлся контрреволюционным, не учитывавшим многонациональный состав населения страны. Н. Я. Марр, создатель нового учения о языке, весьма своеобразно трактовал этничность, историю культуры и языков. Согласно его построениям, язык является частью надстройки и отражает циклические изменения в базисе. Одной из главных задач «новых лингвистов» являлась реконструкция эволюции материальной культуры с помощью методов лингвистики. Марр стал одним из вдохновителей создания Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде (позднее переименованной в Институт археологии). В это же время еще одним «идеологом» нового этапа развития гуманитарной науки был В. Б. Аптекарь, весной 1929 г. создавший в ГАИМК этнографов Ленинграда и Москвы. Он заявил, что этнография рассматривает понятия «культура» и «этнос» в отрыве от производственных отношений и по этой причине является «буржуазным суррогатом обществоведения» [Совещание 1929: 115—116]. Начались открытые гонения на этнографию и этнографов. Были приостановлены полевые исследования, которые расценили как проявление империализма. Вскоре археологию обвинили в идеализации формального вещеведения, а этнографию — в эклектизме, буржуазном национализме и великодержавном шовинизме, тем самым обе науки были отлучены от марксизма. Вместо того чтобы изучать «первобытные народы» и изобретать несуществующие науки, специалистам данного профиля было предложено тщательно изучать вопросы, поднятые Марксом, Энгельсом, Лениным, а именно проблемы этногенеза и этнической истории конкретных народов, историю материального производства, происхождение семьи, классов, религии, искусства, а также формы перехода докапиталистических обществ непосредственно к социализму, строительство культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию (о развитии или, можно сказать, злоключениях советский этнографии в те годы см.: [Слезкин 1993; Шнирельман 1993]).

Осенью 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» И. Сталин опубликовал письмо, в котором дал частичную переоценку явлений, наблюдаемых в общественной жизни страны, и научного осмысления оных, а также очень